

ОПРАВДАНИЕ МАРКСИЗМА КАК РАЗВИВАЮЩЕГОСЯ УЧЕНИЯ Интервью с Т.И. Ойзерманом

**Фан
Ирина Борисовна**

старший научный сотрудник
Института философии и права УрО
РАН, кандидат философских наук

Ойзерман Теодор Ильич – специалист по истории философии, метафилософии и теории познания; доктор философских наук, профессор. Родился 1.05.1914 г. в с. Петроверовка Одесской области. Окончил философский факультет МИФЛИ (1938), аспирантуру кафедры истории философии. В 1941 г. защитил кандидатскую диссертацию и был оставлен на кафедре. Участник Великой Отечественной войны. В 1947 г. вернулся на преподавательскую работу на философский факультет МГУ. С 1948 по 1953 годы – зам. Зав. Кафедрой истории зарубежной философии, с 1950 – и.о. зав. Кафедрой. В октябре 1951 г. защитил докторскую диссертацию «Развитие марксистской теории на опыте революции 1848 г.». С 1953 – профессор, в 1954 – 1968 – зав. Этой кафедрой. С 1968 – в Институте философии АН СССР, в 1971–1987 – зав. Сектором, затем отделом истории философии, с 1987 – советник. Член-корреспондент АН СССР (1966), действительный член АН СССР (ныне РАН; 1981). Лауреат Ломоносовской премии (1965), премии им. Плеханова (1979), Государственной премии СССР (1983).

Действительный член Международного Института философии (1981), доктор *honoris causa* Иенского университета (1979), иностранный член АНГДР (ныне – Берлин-Бранденбургская АН). Т.И. Ойзерман являлся членом редколлегии и одним из ведущих авторов «Истории философии» (Т.1–6, М., 1957–1965), а также «Краткого очерка истории философии». Член редколлегии журналов «Вопросы философии», «Философские науки» (до 1958), «Вестник МГУ» (до 1965).

Т.И. Ойзерман – автор около 600 публикаций, в том числе 36 монографий и брошюр; 259 работ переведены на иностранные языки (английский, арабский, венгерский, вьетнамский, греческий, китайский, немецкий, польский, португальский, румынский, словацкий, финский, французский, чешский, южнокорейский и др.) и изданы за рубежом. Наиболее значительными, на взгляд автора, являются следующие монографии: «Формирование философии марксизма» (переведена на 6 иностр. языков); Проблемы историко-философской науки. М., 1962 (2-е изд. – 1982; переведена на 6 иностр. языков); Главные философские направления. М., 1971 (2-е изд. – 1984; переведена на 5 иностр. языков); Дialeктический материализм и история философии (пер. на 7 иностр. языков); Основы теории историко-философского процесса (Соавт. А.С. Богомолов). М., 1983 (Пер. на англ. язык); Теория познания И. Канта. М., 1974 (соавт. И.С. Нарский); Философия как история философии. М., 1999; Марксизм и утопизм. М., 2002; Оправдание ревизионизма.

Теодор Ильич – участник множества всемирных конгрессов, проходивших в Мехико (Мексика, 1963), Вене (Австрия, 1968), Варне (Болгария, 1973), Дюссельдорфе (Германия (ФРГ), 1978), Монреале (Канада, 1983), Брайтоне (Англия, 1988), где он выступал с докладами на пленарных заседаниях и симпозиумах. Дважды был членом оргкомитета международных конгрессов. Кроме того, Т.И. Ойзерман участвовал в конгрессах Гегелевского союза (1966, 1970, 1974, 1977), Международного гегелевского объединения (1983, 1988), Кантовского общества (1970, 1975), Международного общества Шеллинга (1991, 1994), Международного общества диалектической философии (1981, 1984, 1987). Дважды он был приглашенным гостем-профессором – в Бонне (1970–1971) и Мюнхене (1991–1992).

Недавнее публичное обсуждение двух монографий Т.И. Ойзермана «Марксизм и утопизм» и «Оправдание ревизионизма» на страницах журнала «Вопросы философии» показало остроту и непреходящую практическую значимость поставленных в них проблем для новейшей истории России, высветило фундаментальность и высокий уровень их теоретического освещения. Эти события, а также выход новой книги Теодора Ильича «Проблемы. Социально-политические и философские очерки/Сборник статей и докладов» (М., 2006) вызвали живой интерес редколлегии нашего альманаха к автору книг, считающему насущной потребностью нашего времени – спор со стереотипами догматического марксизма и необходимостью – оправдание его в качестве развивающегося учения.

- Теодор Ильич, Вы обладаете поистине уникальным, почти семидесятилетним опытом работы в сфере философии, наблюдали изнутри жизнь философии и философов в обществе, отношение к ней власти. Какой период советской и российской истории XX в., на Вашем мнению, был наиболее благоприятным для развития отечественной философии?

- Весьма важным периодом в развитии советской философии стал период после XX съезда партии, своего рода духовный Ренессанс. Однако наиболее благоприятным периодом для развития российской философии является, конечно, время, последовавшее за крушением советского государства и социалистического строя.

- Как, несмотря на постоянное партийно-идеологическое давление, на выпады и обвинения со стороны З.Я. Белецкого и других «злых гениев от советской философии», Вы сумели так плодотворно работать, подвергая критике даже собственные взгляды? Что Вами двигало?

- Лихорадочно работать меня всегда заставляло желание писать. Возможно, это была почти графоманская страсть. Я мог писать, как минимум, четверть листа в день, а то и половину. Это доставляло мне неизъяснимое наслаждение, может быть, потому, что у меня не было других пристрастий. Желание писать я испытывал с самых ранних лет. Что же касается философии, то вначале это было желание осмыслить Маркса для лекционного курса. Вжившись в него, я почувствовал, что начинаю ясно

понимать, как и из чего возник марксизм, и даже вижу отдельные заблуждения Маркса и Энгельса и некоторые взгляды, от которых они отказались. Осмыслением марксизма почти никто у нас не занимался. Так что в этом я определенно чувствовал себя новатором. Позже меня увлек амбициозный замысел: создать цельную теорию историко-философского процесса с позиций диалектического материализма, попытавшись объяснить удивительный факт: почему всегда существовало и существует множество философских учений? Этому и посвящены монографии «Проблемы историко-философской науки» (1969), «Главные философские направления» (1971), «Основы теории историко-философского процесса» (совместно с А.С. Богомолковым). Завершением этого замысла стала книга «Философия как история философии» (1999). В первой книге я стремился достоверно представить постоянно меняющуюся картину мировой философской мысли. Но, находясь в плену расхожих марксистских штампов, старался доказать, что такое множество носит преходящий характер и в конечном итоге увенчивается научной философской системой – диалектическим материализмом. Во второй книге я анализировал типы взаимоотношений, полемики и связей отдельных философских течений, начиная с античности. Я рассматривал историко-философский процесс как процесс дифференциации, дивергенции, поляризации, радикальной поляризации и синтеза идей. Эту последовательность я пытался проследить и на примере немецкой классической философии. Но особое внимание основному вопросу философии в книге, как я сейчас понимаю, обеднило содержание многих учений и идей. Хотя картина драматического становления философского знания представлена там неплохо.

Идея фикс моей философии философии с годами претерпела существенные изменения, что отразилось в монографии «Философия как история философии». Я категорически отказался от прежнего убеждения в том, что многообразие философских школ – это преходящее состояние, свидетельство незрелости философской мысли. В каждой философской концепции есть содержание, знания, которые отсутствуют в марксизме. Следовательно, последний нужно рассматривать не как вершину философии, а лишь как одну из систем философии. Наличие множества учений – достоинство философии, ее *modus essendi*, а не ее недостаток, как думали мы. Каждое новое учение обогащает проблематику философии, делая ее более содержательной.

- Вы, по словам В.А. Лекторского, были первым, кто обратился сам и начал знакомить студентов 1950-х годов с идеями раннего Маркса. В наше время Вы стали первым исследователем, давшим столь емкую и целостную оценку марксизма в своих монографиях. Ваши взгляды на марксизм существенно изменились?

- Мое серьезное обращение к Марксу началось с разработки курса истории марксистской философии в конце 1940-х начале 1950-х годов, хотя еще до войны меня заинтересовало то немногое, что было опубликовано из раннего Маркса. Позже я познакомился с дискуссиями на Западе (Маркузе и др.) о молодом Марксе, не переведенными на русский язык. В этом я видел некоторый противовес догматическому пониманию марксизма, которое сводилось к изложению основных черт диалектики и материализма. Простудировав поздние работы Маркса, я увлекся самим процессом стремительного формирования его взглядов.

Лекционный курс длился всего один семестр, невозможно было подробно рассматривать все его основные работы. Мне было интересно показать, как Маркс и Энгельс переходили от одного воззрения к другому, заблуждались, преодолевали эти заблуждения, что не всегда им удавалось. Чтение курса истории марксистской философии, особенно ее раннего периода, означало погружение в марксизм, который еще не стал системой раз и навсегда установленных истин, и подвигало к недогматическому его усвоению. Никаким «диссидентом» я себя не считал, хотя понимал, что ко мне могут придраться. Но в силу заложенного во мне оптимизма или излишней самоуверенности я полагал, что придраться будут не слишком и всегда найдутся порядочные люди, которые поймут, что я излагаю Маркса честно, а критически высказываясь о нем, следую его собственному примеру. Для студентов это выглядело необычно и ново. Свой лекционный курс я пытался предложить в качестве введения в диалектический материализм.

Известное критическое отношение к некоторым положениям марксизма у меня возникло уже тогда, хотя я боялся себе признаться в этом. Скажем, идеи диктатуры пролетариата, слома государственной машины, непрерывной революции были высказаны Марксом и Энгельсом на основе опыта революции 1848 г. Обычно забывают, что впоследствии они их в известной степени пересмотрели. Непосредственного перехода от буржуазной революции к пролетарской Маркс в 1850 г. уже не признавал, хотя полагал, что революции XIX в – уже не просто буржуазные, а, как он их называет в «18 Брюмера Луи Бонапарта», «пролетарские революции XIX века». Некоторую неясность в этом Маркс и Энгельс до конца не преодолели. Для меня это была некая подготовительная школа к тому критическому переосмыслению марксизма, которое я предпринял в последние годы. И в прошлом меня очень смущала формула Ленина: «Учение Маркса всеильно, потому что оно верно». Как, недоумевал я, ее можно сочетать с материалистическим пониманием истории?

К переоценке марксизма меня привело то обстоятельство, что я прежде всего историк философии. Восприятие экзистенциализма или структурализма, даже классических учений, шаг за шагом приводило меня к мысли, что если марксизм не может ничего почерпнуть из них, отвергая их с порога, то он тем самым закрывает путь к собственному развитию, обрекает себя на превращение в систему утопических догм. Но я не хочу преувеличивать значение моего внутреннего развития. Мощным ферментом стал крутой перелом, который недавно совершился в отечественной истории. Постепенно я пришел к убеждению, что не существует никакого общеобязательного определения понятия философии, не существует закрытого фонда философских истин. Для меня бесспорна плодотворность такого типа развития, как плюрализация философских идей, которая включает также их синтез как механизм возникновения новой системы взглядов. Всегда сохраняется возможность появления новых философских учений. История философии – это история не философских идей или простых высказываний, а история больших систем. Философов было тысячи, но людей, создавших значительные системы – лишь десятки. И только эти десятки, собственно, составляют предмет истории философии. И, хотя философское мышление неустранимо, эпоха философских систем, которые по определению претендуют на законченность, завершенность, последнее слово, вероятно, закончилась.

- Как бы Вы охарактеризовали роль, которую сыграл марксизм в российской истории?

- Я всегда полагал, что Маркс – величайший социальный мыслитель. В то же время, на мой взгляд, он совершил немало ошибок, многие из которых были неизбежны. Он стал социалистом задолго до того, как разработал свое экономическое и социальное учение. Его положение о неизбежности смены капитализма социализмом было убеждением, в сущности, верой, которую он разделял вместе с другими социалистами. Экономического обоснования социализма Маркс не дал, и дать не мог. Он сам писал, что цель «Капитала» - исследовать законы современного, то есть капиталистического общества. О социализме же в первом томе имеются лишь беглые упоминания. Поэтому утверждение Ленина, будто Маркс экономически доказал неизбежность социализма, не соответствует действительности. Ни Маркс, ни Энгельс, и никто другой не могли доказать, что социализм есть единственно возможная альтернатива капитализму. Вообще альтернатива не существует в единственном числе. Единственная тенденция, которая, как ему казалось, подтверждала это убеждение Маркса, был процесс обобществления средств производства при капитализме, то есть концентрация и централизация капитала. Но последующее развитие показало, что средние и мелкие слои отнюдь не исчезают, что мелкое и среднее производство способно возрождаться даже в интересах крупного капитала. И это нормальное развитие капитализма, чего Маркс, конечно, предвидеть не мог. Это главное заблуждение неизбежно сказывалось и на других его высказываниях о будущем обществе.

Относительно моей общей оценки марксистской философии. Я по-прежнему стою на позиции материалистического понимания истории, за исключением концепции базиса и надстройки, которую я отвергаю, поскольку она противоречит положению о том, что общественное сознание отражает общественное бытие. Из разделения базиса и надстройки неизбежно следует, что художественные, философские, моральные и прочие взгляды отражают лишь экономические отношения, а не общественное бытие в целом. Здесь я усматриваю явное внутреннее несогласие.

В оценке экономического учения Маркса я не специалист, но тем не менее я считаю глубоким заблуждением Маркса его утверждения о прогрессирующем обнищании пролетариата, о законе тенденции нормы прибыли к снижению, а также положение о том, что стоимость товара всегда определяется количеством общественно-необходимого рабочего времени.

Марксизм как идеология исчерпал себя уже при Советской власти и к настоящему времени утратил свое влияние. Диалектический материализм и материалистическое понимание истории сохраняют свое значение как научные попытки. И то, и другое учения изложены Марксом и Энгельсом эскизно, фрагментарно, далеко не без серьезных ошибок. Тем не менее конкретное содержание теории марксизма остается достоянием современной науки об обществе. Это достояние подвергается критическому анализу, который выявляет в нем идеи, концепции, заслуживающие дальнейшего развития. Маркс по-прежнему признается самым выдающимся социальным мыслителем, но это нисколько не мешает критически оценивать его теорию. Продуктивно работающих марксистов у нас и за рубежом почти нет. Есть ученые, которые стремятся критически разобраться в марксизме, не порывая с ним окончательно. Марксизм в России

сыграл определенную положительную роль в период подготовки буржуазно-демократической (Февральской) революции. Октябрьская революция была ее продолжением. Она обещала землю крестьянам, заводы и фабрики рабочим. Но и земля, и промышленность стали государственной собственностью, то есть обещания не были выполнены. В советское время марксизм стал догматизированной системой, отличной от учения Маркса и Энгельса. Все мы были марксистами, не осознающими этого важного обстоятельства. Марксизм-ленинизм (то есть не настоящий марксизм) стал идейной основой тоталитарного государства. Это трагедия.

У этой проблемы есть еще и личностное измерение: судьба философов в СССР. В советские времена не было и не могло быть философов. Были только пропагандисты философии марксизма, при этом, начиная с 1938 г. ее изучение превратилось в пропаганду философского параграфа «Краткого курса истории ВКП(б)», написанного Сталиным. Если бы появились настоящие философы, излагающие свои собственные оригинальные взгляды, то, вероятно, они моментально исчезли бы с общественной арены. Достаточно вспомнить два «философских парохода», организованных Лениным в 1922 г. а также трагические судьбы таких людей, как Ян Стэн или Б.Э. Быховский, в котором сочетались блестящий талант и вынужденная готовность к «служению» партии и идеологии. В сходные обстоятельства были вовлечены М.М. Розенталь и П.Ф. Юдин. Вспоминается гибель Э.В. Ильенкова, смерть М.К. Мамардашвили в «накопителе» Внуковского аэропорта... Правда, помимо пропаганды философии марксизма, существовала одна область, где можно было высказывать собственные взгляды – история философии, хотя и ее автономия была весьма условной. Самые заметные люди в философии того времени – историки философии: В.Ф. Асмус, Б.Э. Быховский, Е.П. Ситковский, из молодых – А.С. Богомолов.

- Отвечая на критику, Вы говорили, что отрицательно относитесь к футурологической части «научного коммунизма», но остаетесь диалектическим материалистом. На страницах философских журналов идет дискуссия о соотношении диалектики и синергетики. Не устарела ли диалектика как метод исследования истории общества?

- Диалектический материализм я понимаю как учение о диалектическом процессе, правда, очень неразработанное. Но самым решительным образом отвергаю существование одних и тех же всеобщих законов движения и развития природы, общества и мышления – а к этому сводилась диалектика Гегеля, и это осталось у Энгельса. Ошибочно, например, утверждать, что существуют одни и те же законы развития, определяющие всё и вся. Наука таких законов не знает. Есть диалектические процессы, которые, однако, не являются всеобщими, но законов диалектики как всеобщих законов, конечно, нет. Уже в 1948 г. я писал, что законы диалектики – это обобщение представления о законах, которые открывают естественные науки. Они неполно отражают действительность и далеко не всегда являются законами развития. В 1982 г. на совещании по диалектике, организованном журналом «Вопросы философии», я уже четко сформулировал свою точку зрения, которой придерживаюсь и сейчас: «Необходимо правильное понимание статуса «законов диалектики». Некоторые исследователи склонны их трактовать как верховный класс законов, которым подчиняются «простые» законы, открываемые специальными науками. Такой иерархии

законов в действительности не существует. Допущение такого рода субординации означало бы возрождение традиционного противопоставления философии нефилософскому исследованию, характерного для идеализма».

- В каком смысле можно говорить об утопизме марксистской философии?

- Выбор темы моей монографии «Марксизм и утопизм» - результат переосмысления традиционных представлений не только о марксизме, но и о предмете философии, ее месте в системе культуры, ее взаимоотношении с наукой. Это предполагало и пересмотр значения ненаучных форм знания, в том числе и утопии. Утопическое я рассматриваю как перманентное содержание мышления – и в оценке прошлого, и в попытке предвидения будущего. Предвидение более или менее отдаленного будущего человеческого общества принципиально невозможно потому, что в любом рациональном, сознательном действии имеются такие элементы, которые оказываются незапланированными, непредвидимыми, стихийными. Последние порождают еще более непредвиденные последствия. В конечном итоге мы получаем цепь непредвиденного, которая порождает непредвиденное. Если речь идет о предвидении ближайшего будущего, то здесь возможна какая-то экстраполяция того, что имеется. Но если речь о далеком, то здесь избавиться от утопизма уже невозможно.

Я рассматриваю утопизм в марксизме не просто как сугубо отрицательную черту, а как неизбежную и в этом смысле содержательную. Когда Ленин говорит, что утопизм – это сказка, небылица, это неверно, потому что в утопизме содержится даже нечто великое. Если бы не было утопии, то, как говорил А. Франс, люди по-прежнему жили бы в пещерах. Но Маркс и Энгельс не только не смогли преодолеть утопий своих предшественников, например, идеи бестоварного, безденежного общества, но еще добавили новые утопии, например, идею диктатуры пролетариата, не задумываясь о том, что никогда в истории диктатура не была диктатурой целого класса. Одна из причин этого в том, что они не до конца разграничивали понятия «политическое господство» и «диктатура».

- Ваша трактовка термина «ревизионизм» явно отличается от той, что была принята в советской философии. Поясните, пожалуйста, Ваше понимание данного понятия

- Механизмы пересмотра идей в философии, идеологии и науке принципиально различаются. Именно поэтому так называемый ревизионизм возник в идеологической сфере. Так как наука не должна быть идеологией, то я считаю термин «ревизионизм» неправомерным. Поэтому в моей книге «Оправдание ревизионизма» он всюду фигурирует в кавычках. Одно дело ревизия, пересмотр или корректировка научной теории, и совершенно другое – ревизия как партийный, политический феномен, включающий оттенок осуждения, предания анафеме. Возникновение «ревизионизма» было результатом крайней идеологизации и догматизации марксистского учения. Если исходить из идеи, что марксизм является наукой, то, как и всякая наука, он должен развиваться, и критика исходных его положений, их пересмотр (ревизия) – необходимое условие его развития. В этом и состоит замысел моей монографии. В моей книге речь идет о предыстории «бернштейновского ревизионизма» (часть первая), а затем о самом бернштейновском ревизионизме и его продолжателях. Это значит, что существовал не только

бернштейновский ревизионизм, ревизия марксизма началась буквально с первых лет его существования. «Ревизионизм» крепко связали с именем Бернштейна потому, что он более или менее систематически изложил аргументы критиков марксизма.

Я считаю принципиально неправомерным, чуждым науке само понятие ревизионизма, считаю его догматическим монстром, который подлежит изгнанию из лексикона науки. Правомерна лишь критика, ревизия научной теории, причем эта ревизия, разумеется, не застрахована от критики и опровержения. В главе книги «Российские народники: переход от латентной к открытой ревизии марксизма» излагается критика народниками положений Маркса об исторической прогрессивности капитализма и всемирно-исторической миссии пролетариата. В этой критике немало верного.

- Способствует ли нынешнее время качественным сдвигам в области методологии философских наук, нужна ли смена общей парадигмы исследования?

- Наше время открывает исследователю все двери. Нужны таланты. Нужны гении. Последних, по-видимому, нет.

- Как Вы относитесь к распространенному тезису о том, что мы переживаем конец проекта эпохи Модерна – кризис классической парадигмы исследования в социальных науках, угасание великих утопий и идеологий Нового времени?

- Эпоха модерна действительно кончилась. По-моему, кончилась уже и эпоха постмодерна. Будущее и в сфере философии непредсказуемо.

- У Фихте, философии которого Вы посвятили одну из своих книг, есть теория замкнутого торгового государства. Насколько эти идеи актуальны для сегодняшней России?

- Идея замкнутого торгового государства была анахронизмом и во времена Фихте. В нашу эпоху – эпоху глобализации, эта идея просто смехотворна.

- Каково Ваше отношение к современной западной философии?

- В западноевропейской философии полоса затишья. Есть, конечно, выдающиеся философы, например, Ю. Хабермас, но и его основоположение – коммуникация (общение, дискуссия и т.п.) все же ограничивает сферу собственно философских исследований. Недавно умерший П. Рикер сочетал персонализм с феноменологией, писал интересные книги, но не более того. В аналитической философии наметился распад. Что касается таких философов постмодернистов, как Лиотар, Делез, Деррида, Батай, - это талантливые беллетристы и публицисты от философии. Деррида – гениальный философский балагур, грубо говоря – трепач, но действительно гениальный. М.Фуко, Ж. Деррида, Р. Барт, как и вся структуралистская школа, родились не в лоне философии, и не в связи с ней. Это, скорее, был метод анализа художественных произведений, а также антропологии, что наиболее ярко выражено у К. Леви-Строса и Р. Барта. Здесь я собственно классической философской проблематики не вижу. Она сохранилась сегодня в «критическом рационализме», например, у Поппера и его продолжателей, вполне самостоятельных мыслителей. То, что называется постмодернизмом, надо скорее связывать с П. Рикером, Ю. Хабермасом, а не с Ж. Дерридой и Р. Бартом, пытающимися найти философскую проблематику за околицей философии. Напомню, что основоположниками структуралистского метода были Б. Эйхенбаум, Р. Якобсон, позже Ю. Лотман. Но это все-

таки не философия, для которой, я убежден, главная проблема – проблема свободы. Ею, к сожалению, всерьез мало кто занимается.

Оптимизм внушает современное состояние эпистемологических исследований. Я приветствую, например, переход от классической гносеологии к постклассической эпистемологии, то есть к пониманию процесса познания как культурно-исторического феномена. Эти вопросы неплохо описаны у В.С. Степина, В.С. Швырева, В.А. Лекторского, других авторов. Культурно-исторический контекст помогает понять относительность каждой ступени достигнутого познания и подводит к мысли: мир в равной мере познаваем и непознаваем. Мы всегда познаем только какую-то часть целого, следовательно, не можем исчерпывающе судить о ней, поскольку не знаем целого. Наши суждения об этой части неизбежно оказываются фрагментарными, какой бы законченный характер не приобретала та или иная теория. Это направление в теории познания – наиболее сильный аргумент против сциентизма, против превращения науки в икону. Нам сейчас стал доступен весь современный мировой философский аквизит.

- Какие из Ваших учеников вызывают чувство особенной гордости?

- У меня было почти 50 аспирантов. Наиболее талантливые среди них – П.П. Гайденко, Э.В. Ильенков, М.К. Мамардашвили, Г.К. Заиченко.

- Как Вы относитесь к обсуждаемым в научном сообществе реформам в системе РАН? Нужны ли науке автономия, самоуправление, демократические основы существования?

- Реформа РАН безусловно необходима и она осуществляется шаг за шагом. Самое важное в ней, на мой взгляд, активное внедрение фундаментальных прикладных исследований в производство. К сожалению, это зависит не только от РАН, но и от наших предпринимателей и государственных деятелей, занимающихся экономикой.

- Недавно вышла и уже получила высокую оценку научной общественности еще одна Ваша книга «Проблемы. Социально-политические и философские очерки». Какие проблемы Вы считаете основными для философии в настоящее время?

- Для меня этот сборник статей, во многом посвященный не только важным, актуальным, но я бы сказал, насущным философским проблемам, представляет немаловажную веху не только в моем интеллектуальном развитии, но и в подведении

его итогов. Эти насущные философские проблемы и объединяют разнообразные сюжеты книги. Книга делится на два больших раздела «Социально-политическая тематика» и «Философская тематика». Самокритика марксизма, проблема происхождения ленинизма, предыстория бернштейновского ревизионизма, философия марксизма и немарксистская философия XX в., марксизм и философия И. Канта помещены в разных разделах. В сборнике я пытался показать связь историко-философского и современного философского знания, укорененность современных философских концепций в философских традициях, историю философии как философию настоящего. Обсуждение хода посткоммунистических реформ и процессов глобализации актуализирует сегодня новое обращение к классикам философской мысли, новое прочтение идей Дж. Локка, И. Канта, Г. Гегеля. Но центральными для всего сборника я считаю статьи «Что такое философия?», «Философия как единство научного и вненаучного познания», «Основные вопросы философии». Именно сквозь призму этих проблем возможно, на мой взгляд, понимание задач философии, природы ее познавательных возможностей и основных вопросов, а также человека.

Философия, вновь и вновь проблематизируя большинство мировоззренческих вопросов, решает их каждый раз по-новому. Она содержит множество разных ответов на одни и те же вопросы. Тот факт, что философия существует, так сказать, во множественном числе – только как философии, то есть как неопределенное множество различных, противостоящих друг другу философских систем, отличает ее от науки и составляет ее суть. Таков ее смысл существования и необозримое идейное богатство. Наличие разнообразных философских идей важно для более глубокого понимания многообразия проявлений и видоизменений одной и той же реальности. В философии нарождаются и новые основные вопросы, соответственно которым изменяется философский язык, возникают новые понятия и термины.

Философия соединяет научное и вненаучное знание. Она имеет множество основных вопросов: об отношениях субъекта и объекта, духа и материи, материализма и идеализма, познаваемости и непознаваемости мира, о проблемах взаимосвязи душевного, духовного и вещного, об источнике человеческих восприятий и, наконец, кантовские вопросы: «Что я могу знать? Что я должен делать? На что я смею надеяться?». «Что такое человек?» - этот вопрос является самым, если можно так выразиться, основным.